

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/481/3

«Сибирский патриот» в «Мёртвом доме» Ф.М. Достоевского: Н.М. Ядринцев и областнический литературный канон

Роман Андреевич Григоренко¹

¹ Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, roman13-grigorenko@yandex.ru

Аннотация. В центре внимания находится творческий диалог Ф.М. Достоевского и Н.М. Ядринцева. Проводится сопоставительный анализ книг «Записки из Мертвого дома» и «Русская община в тюрьме и ссылке». Анализируется проблема жанра обоих произведений, причина обращения сибирского писателя к художественному миру именитого современника и специфика формирования областнического литературного канона.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Н.М. Ядринцев, острог, литературный канон, областничество

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-412-243001.

Для цитирования: Григоренко Р.А. «Сибирский патриот» в «Мертвом доме» Ф.М. Достоевского: Н.М. Ядринцев и областнический литературный канон // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 21–28. doi: 10.17223/15617793/481/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/3

A “Siberian patriot” in the *House of the Dead* by Fyodor Dostoevsky: Nikolai Yadrintsev and the regional literary canon

Roman A. Grigorenko¹

¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, roman13-grigorenko@yandex.ru

Abstract. The article analyzes Nikolai Yadrintsev’s reception of the literary tradition of Fyodor Dostoevsky, the influence of the *House of the Dead* (1861–1862) on the *Russian Community in Prison and Exile* (1872). The creative dialogue between the centralist and the Siberian patriot has already come to the attention of literary critics. S. Frank considered the opposite views of Yadrintsev and Dostoevsky on Siberia, hard labor, and convicts. This study reveals points of contact and points of difference of the above-mentioned works at the level of methods of depicting space (categories of the living-dead), figurative structure (the focus is on “prison residents” – the warden, zhigan, etc.), the narrative strategy of the two writers who survived imprisonment in the same prison (Dostoevsky has a frame composition, Yadrintsev has an alternation of fictional fragments with the hero-narrator and parts that are a study of penitentiary systems), and stylistic features. The way both writers use typing when creating scenes and characters is analyzed, as well as a number of cultural allusions, with the help of which Yadrintsev appeals to the reader’s memory and the reader’s horizons. The analysis of the books of the great writer and his younger contemporary led not only to interest in Yadrintsev’s epistolary heritage (letters of the 1870s to Grigory Potanin), but also an appeal to the works of a number of scholars. Yadrintsev’s creative path is considered within the framework of Pierre Bourdieu’s theory of social fields. For a correct understanding of the specifics of the perception and use of literature by the Siberian writer, which half a century later will be called classical, the works of researchers who studied the mechanisms of the formation of the literary canon (H. Bloom, M. Yampolsky, B. Dubin, I. Kaspe, M. Gronas, A. Lanu) are involved. The works by Mikhail Bakhtin and Yuri Lotman were used for solving the genre problem (first attempt at a novel) of the *House of the Dead* and the *Russian Community in Prison and Exile*. The creative path of the Siberian patriot is also considered from the point of view of regional aesthetics, the postulates of which were finally formulated by Potanin in the article “The novel and the story in Siberia” (1876). The focus is on Yadrintsev’s use of the existing literary experience, his attempt to auto-legitimize in the field of Russian literature of the 19th century and form an own regional canon.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Nikolai Yadrintsev, prison, literary canon, regionalism

Financial support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, the Government of Krasnoyarsk Krai and the Krasnoyarsk Regional Science Foundation, Project No. 20-412-243001.

For citation: Grigorenko, R.A. (2022) A “Siberian patriot” in the *House of the Dead* by Fyodor Dostoevsky: Nikolai Yadrintsev and the regional literary canon. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 21–28. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/3

Тематическая близость книг Н.М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке» (1872 г.) и Ф.М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» (1861–1862 г.) была впервые отмечена не литературоведами, а чиновниками. Труды Ядринцева и Достоевского были выбраны комиссией по тюремной реформе в качестве достоверных источников, содержащих информацию о жизни тюрьмы и каторги. Сибирский областник писал из ссылки Г.Н. Потанину следующее: «Записки о русских карательных учреждениях составлены, как заявлено, по следующим сочинениям: “Записки из мертвого дома” Достоевского, “Сибирь и каторга” Максимова и “Община в тюрьме и ссылке” я...» [1. С. 31].

Замеченное тематическое родство не случайно: Достоевскому и Ядринцеву в разное время довелось провести несколько лет заточения в Омском остроге, быт и нравы которого отражены в обоих произведениях. С. Франк в своем сопоставлении «Записок из Мертвого дома» и «Русской общины в тюрьме и ссылке», изучая произведения в контексте лагерной интимности, отметила навязчивость ссылок на Достоевского [2. С. 409]: т.е. областник не скрывает литературного первоисточника, а предпочитает его всячески подчеркивать, при любой возможности обращать на него внимание читателей.

В предисловии Ядринцева автор «Записок из Мертвого дома» не только упоминается, но и цитируется:

Недаром Ф.М. Достоевский, испытавший знакомство со старым русским острогом, воскликнул в конце своих наблюдений: «Сколько в этих стенах погребено молодости! Сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уж все сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, быть может, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего»... [3. С. 46].

Попутно отметим, что сибирский писатель обрывает цитату, не перенося в свой текст горьких сожалений и риторического вопроса великого предшественника: «Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват?» [4. С. 231]. Сетования и поиск виноватых, видимо, мало занимают Ядринцева.

Возникает ряд вопросов. Только ли схожие эпизоды биографии писателей и общий предмет изображения объединяют тексты, опубликованные с разницей в десятилетие? Как повлияли «Записки из Мертвого дома» на «Русскую общину в тюрьме и ссылке»? Какими способами Ядринцев творчески осваивал/присваивал (или переосмысливал) текст-предшественник? В какой мере и с какой целью областник опирался на воплощенный в художественной форме Достоевским каторжный опыт? Только ли с автором «Записок...» Ядринцев вступает в творческий диалог? Что, наконец, представляет собой с точки зрения жанра крайне неоднородное творение неудавшегося сибирского «сепаратиста»?

Для ответа на поставленные вопросы представляется продуктивным следующий путь.

Во-первых, необходимо учесть исследование С. Франк, которая замечает принципиальное несопа-

дение взглядов Достоевского и Ядринцева на каторжное общество: автор «Записок из Мертвого дома» видит в нем «странное семейство», которое своей вынужденной псевдоблизостью рушит индивидуальность, областник – именно общину, компенсирующую причастностью к ней потерю общества за пределами острога [2]. С. Франк находит различия и в оценке писателями всего пространства Сибири: Ядринцев видит здесь пространство будущего, Достоевский – пространство милитаристских и ностальгически консервативных утопий, пространство, «в котором он хочет оставить свое прошлое приверженца социальных утопий раз и навсегда¹» [2. С. 416].

Во-вторых, выявить другие точки соприкосновения/отталкивания «Записок из Мертвого дома» и «Русской общины в тюрьме и ссылке», а также проанализировать приемы изображения пространства и создания образов персонажей, используемые сибирским писателем.

В-третьих, осмыслить творческий «маршрут» областного автора в рамках теории социальных полей П. Бурдьё [5] и рассмотреть влияние «Записок...» на «Русскую общину...» в перспективе формирования «сибирского» литературного канона, без внятного осмысления которого литературный проект старших областников повисал в воздухе.

П. Бурдьё, применяя для анализа словесности методологический аппарат экономики, рассматривает литературный процесс как расположение и перемещение агентов культурного производства в одном социальном пространстве, названном полем. Ученый выделяет две противоположные позиции, в которых может находиться литератор: место в центре поля и место на периферии [5]. Под центром литературного поля логично понимать столицу, и речь идет не столько о городе в географическом смысле, сколько об уже сформированном влиятельном литературном сообществе, обладающем значительным символическим капиталом и символической властью. Под периферией закономерно разуметь провинцию.

По мнению Бурдьё, существование в поле давно укоренившихся сил лишает художника (в широком смысле) уникальности жизненного пути, заставляя выстраивать свою траекторию (как творческую, так и биографическую) по уже существующим моделям. Следовательно, Ядринцеву, в 1870-х гг. находящемуся в ссылке в Шенкурске Архангельской губернии и географически даже приблизившемуся к Петербургу, чтобы существовать как писателю, еще предстоит пережить травму собственного провинциализма [6] и проторить дорогу в столичный литературный круг, занять место в центре литературного поля, получив «освященность» – признание или любую другую реакцию на себя агентов, доминирующих в пространстве словесности.

Рассуждения о центре литературного поля и пути писателя к нему подводят нас к проблеме канона. Проанализировав существующие воззрения [7–15] на него, мы пришли к следующему: под канонем мы подразумеваем группу текстов или авторов, на основе некоего критерия выбранных из прочих участников

литературной борьбы не самими канонизируемыми авторами, а позднейшими литераторами; они выстраивают или перестраивают канон с целью легитимации не только собственного места в поле литературы, но и самой создаваемой традиции, отвечающей их художественным воззрениям и как бы подводящей эволюцию словесности непосредственно к ним.

Мы оставим в стороне биографические причины обращения Ядринцева к теме каторги (исследованию этого вопроса посвящены работы М.В. Шиловского [16], Н.В. Серебrenникова [17, 18], параграф монографии «Сибирь в составе Российской империи» [19. С. 302–314]), вместо этого перейдем к особенностям рецепции сибирским патриотом текста «Записки из Мертвого дома», а затем постараемся дать найденным чертам и приемам объяснение.

Тема тюрьмы и ссылки в Сибирь – одна из главных в творчестве областника. Ее затруднительно рассматривать отдельно от остальных: заключение в острог, сибирская ссылка, судьба каторжника на золотомосном прииске, страдание обездоленных тесно связаны с амбивалентным характером Сибири. В чем амбивалентность? Зауральские территории Российской империи воспринимались местной интеллигенцией как *родина* – не случайно Ядринцев в 1894 г., вспоминая о своем каторжном и ссылном опыте, напишет следующее: «Это была обратная ссылка из Сибири: кажется, единственный случай, когда Сибирь была признана чьим-то отечеством и из него нужно было выдворить. Множество ссылных, конечно, пожелали бы этого выдворения» [20. С. 33]. Иное восприятие Сибири анализирует В.И. Тюпа: «Сибирь с ее каторгами, пересыльными тюрьмами, принудительными поселениями и одновременно искателями счастья (переселенцами) в национальном сознании мифологизировалась, стала достоянием “доксы”, общепонятным хронотипическим образом некоторого способа присутствия человека в мире» [21. С. 27]. Далее исследователь пишет следующее: «...Сибирь в российском культурном сознании обрела характеристики и свойства мифологической *страны мертвых* (курсив В.И. Тюпы. – Р.Г.)» [21. С. 27].

«Русская община в тюрьме и ссылке» (1872 г.) – самое объемное произведение Ядринцева, относящееся к теме заключения в острог и каторги. Исследователями уже отмечались следующие черты: влияние Достоевского, установка на научность, беллетристические части текста, где действуют вымышленные персонажи [22. 40–42].

Обращение к культурному опыту читателей, использование прецедентных текстов или образов, уже знакомых реципиенту художественного произведения, занимают важное место в поэтике Ядринцева.

В заданной логике интересно обратить внимание на второе предложение из предисловия Ядринцева: «Присматриваясь к внутренней жизни острога, он (Ф.М. Достоевский. – Р.Г.), естественно, имел возможность сделать много наблюдений в этом “отверженном” мире и наглядно изучить историю преступлений» [3. С. 45]. Слово «отверженном» взято в кавычки, т.е. в смысловом плане акцентировано, и, возможно, по авторскому замыслу должно было напом-

нить эрудированному читателю весьма известное произведение, где тема преступника и каторги играет не последнюю роль – роман-эпопею Виктора Гюго «Отверженные», впервые опубликованный в 1862 г. Письмо Ядринцева к Г.Н. Потанину от 8 декабря 1872 г. указывает, что он имел представление о творческой манере автора «Отверженных»:

Ташкентец Каразин выпустил продолжение романа «На Окраинах», где представляет участь героя, попавшего в плен к бухарским барантам. Тут выставлено возмутительное обхождение с пленными, подземный тюрем, «клоповники», резанье голов и проч. Автор уж слишком ударяется в эффекты. Он явно подражает Гюго и не может сладить с материалом, а материал богатый [1. С. 146].

Обратимся к беллетристическим фрагментам его книги.

Предо мной стоял известный всем, вечно потрясающий фасад «мертвого дома», «дома плача и скорби», со своими *темными* [здесь и далее курсив наш. – Р.Г.], как впадины, *черепа*, окнами, с гладко-форменным видом, с *холодными* и неприветливыми каменными стенами, с декором запоров, штыков, решеток и *бледно-зеленых лиц* [3. С. 49].

Иными словами, областник не создает принципиально нового, полностью оригинального, образа острога, а использует чужие наработки, заставляя читателя «припоминать» знакомые места, «узнавать» пространство вместе с героем.

В приведенном фрагменте можно усмотреть скрытую цитату из стихотворения Н.А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда» (1858 г.):

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям... [23. С. 47].

В анализируемом фрагменте Ядринцева нет осуждающе-обличительного некрасовского пафоса, возможно, стихотворение «звучало» в «Русской общине...» потому, что острог тоже является местом, где ломаются судьбы несчастных людей.

Н.М. Ядринцев не останавливается на одной номинации пространства заключения («мертвым домом»). Обратим внимание: в приведенном фрагменте мы отметили слова, связанные со смертью. Далее в наиболее автобиографичном фрагменте произведения опять нагнетается *мертвенность* пространства:

Мы вошли в *мрачную* кордегардию острога с какими-то *готическими* окнами и *средневековой* мебелью; *тяжелые*, неуклюжие скамьи, *оружие* около стен, *толпа* надзирателей и солдат – все это теснилось среди *мрака* и *грязи* [3. С. 50].

Образ *красных клеши* вместо *рук* у ключника, проводящего обыск, возможно, подчеркивает потерю человечности, ставшую обыденностью в этом неживом пространстве:

Я невольно отшатнулся, но он, даже не взглянув, упорно полез в голенища моих сапог и затем погрузил красные клеши свои в мои карманы – даже с большей развязностью, чем в свои собственные [3. С. 50].

Введение в ткань повествования образа Харона («Я взглянул на моего Харона: поза его была такая выжидающая и в то же время приглашающая, что я поспешил войти сюда» [3. С. 51]), проводника в загробном мире, во-первых, в очередной раз апеллирует к культурному капиталу читателя, во-вторых, позволяет усилить ощущение мертвенности, служит для нагнетания inferнальной составляющей описываемого пространства.

Нагнетание образов, связанных со смертью, продолжается и в описании комнаты арестованного:

А секретная становилась все темнее и темнее; стены ее как будто сжимались, как будто давили меня. «Проклятие! Да какая же это могила!» – шевельнулось в уме моем... [3. С. 53].

«Мертвый дом» угнетающе воздействует на попавшего в него героя всеми способами: визуальным рядом (слепые окна, темнота, мрак, грязь и т.д.), тактильными ощущениями (обыскивающие «клешны»), почти буквально отнимает возможность дышать:

Затхлый воздух камеры с непривычки душил меня; кроме того, он *отравлялся* постоянно соседними ретирадами, которые в провинциальных острогах содержатся *невообразимо грязно* и небрежно; иногда, *задыхаясь*, я с жадностью принимал к вентилятору (с вершковым отверстием, и то наполовину загороженным решеткою), чтобыдохнуть свежим воздухом, взглянуть на чистую краску неба. Через эту форточку я получал довольно – казенную порцию того и другого [3. С. 53–54].

Подробное описание внутреннего «убранства» острога, акцентирующее его мертвенность, с одной стороны, создает образ антимира, сосредоточения *неживого*, а с другой стороны, работает на раскрытие определения («мертвый дом», «дом скорби»), заимствованного из широко известного литературного источника.

Важное место в прозе Н.М. Ядринцева занимает психологизм: несколько страниц посвящены описанию переживаний арестованного, областник проследживает смену состояний, свойственных изображаемым людям:

В это время начинается самая *адская* пляска мыслей. Тут возникают самые загадочные идеи и предположения, перерастая одни других *чужовищностью*; *напуганная* фантазия строит *уродливые* и *страшные* картины; создаются самые неосуществимые планы, над которыми приходится смеяться на утро; приходят *нелепые*, но тем не менее самые решительные мысли, и все жжет мозг и заставляет *блезненно пугаться* сердце [3. С. 58].

Бред, галлюцинации, душевная борьба [3. С. 58–59] – вот что ждет человека, заключенного в одиночную (секретную) камеру. Именно из-за разобщения, отделения героя от каторжной общины, крайне своеобразной «семьи», он испытывает особенно острые муки.

С. Франк, сопоставляя книгу областника с «Записками из Мертвого дома», пишет следующее: «В противоположность Достоевскому Ядринцев понимает, однако, эту “острожную семью” как истинно интимную общность, как “острожную общину”, чувство

защищенности которой не отделяло заключенного от настоящего общества за пределами острога, но помогало забыть его, поскольку потеря его полностью компенсировалась» [2. С. 409].

Для Ядринцева принципиально важно, что в центре его внимания оказывается не столько герой-повествователь, остро переживающий все невзгоды заключения, сколько *община*, некое сообщество. Обратим внимание на письма областника Г.Н. Потанину. Название труда претерпевало изменения: 20 февраля 1871 г. речь идет о «Каторжной общине» («Моей “Каторжной общиной” восторгался, представьте, кто? Известный писатель и реалист Соколов, сотрудник “Русского Слова”» [1. С. 6]), 31 мая 1872 г. Ядринцев пишет уже об «Общине в тюрьме и ссылке» [1. С. 32]).

Почему же ключевым понятием для областника остается именно община? Ответ на этот вопрос можно найти в письме от 12 марта 1872 г.:

Итак, задача состоит в том, чтобы создать педагогически исправительную общину, к которой применить здоровые основы социальной жизни, долженствующей воспитать в человеке лучшие чувства благожелания, общего интереса и любви к ближнему. О таком воспитательном влиянии социальной жизни я нашел подтверждение и в трактатах Спенсера. Какое громадное воспитательное значение на человека может иметь община, каково ее влияние и управление личностью, я сослался на опыты русской тюремной общины, на историю ассоциаций, на историю всего человечества. Обдумав практически формы, в каких должна выразиться подобная система, я пришел к тому, что создал новую исправительную систему. Вот к чему меня привело изучение только одного специального вопроса. [1. С. 32].

Горянчиков же, герой-повествователь Ф.М. Достоевского, страдает из-за невозможности уединиться, хоть на время избавиться от вынужденного общества: «Впоследствии я понял, что, кроме лишения свободы, кроме вынужденной работы, в каторжной жизни есть еще одна мука, чуть ли не сильнее, чем все другие. Это: *вынужденное общее сожительство* (курсив Ф.М. Достоевского. – Р.Г.)» [4. С. 22]. Впрочем, страдает он и от изоляции, невозможности полноценно примкнуть к каторжному обществу простолудинцов из дворянского происхождения: «Несмотря на то что те уже лишены всех своих прав состояния и вполне сравнены с остальными арестантами, – арестанты никогда не признают их своими товарищами» [4. С. 26].

Обобщим: несмотря на приведенный фрагмент, для Ядринцева острог – место объединения, уравнивания всех со всеми, формирования общины, для Достоевского же каторга – это пространство, истязающее именно отсутствием «интимности» как в значении изоляции, так и в значении принятия, единения.

Нельзя сказать, что Ядринцев всего лишь «дописывает» произведение Достоевского или только подражает ему. Областник весьма часто обращается к различным прецедентным текстам, осмысливая реальность в категориях культуры (поиск аналогий, отсылки и цитаты):

Известно, что люди в тюрьме, под влиянием страшных ожиданий, старели в одну ночь. Такова была участь Людовика Сфорца и Марии Антуанет-

ты; такова же, вероятно, была участь Франсуа Бонивара, бывшего в заточении в Шильоне у герцога Савойского, судьбу которого воспел Байрон. Начальные слова «Шильонского Узника» поэтому дышат глубокой правдой... [3. С. 60].

Однако наблюдавшиеся в проанализированных фрагментах черты поэтики Ядринцева – использование прецедентных текстов, нагнетание inferнальных образов, развернутый психологизм – далеко не единственные составляющие стиля областника.

Текст книги «Русская община в тюрьме и ссылке» неоднороден, говорить о его жанровой природе сложно. Здесь сталкиваются противоречащие друг другу элементы: художественный стиль сменяется научным (ссылки на реально существующие исследования [3. С. 63–66] и приведение статистических данных [3. С. 67, 69] используются писателем в качестве аргументов к его тезисам).

Что же перед нами? Если применить теорию полифонии М.М. Бахтина [24], в тексте можно усмотреть два голоса (говорить о них следует с известной оговоркой, так как эти два голоса не всегда разделяются в ходе повествования). Первый принадлежит герою-повествователю, автору дневника («Представив отрывок из дневника одного подследственного...» [3. С. 61]) – именно его обыскивали красные клешни, именно он пережил страдания в одиночной камере. Второй голос – повествователь-исследователь, приводящий статистический материал и описывающий обыденность, повседневную жизнь острога. Второй голос не только «перебивает» первого рассказчика, дополняя его впечатления культурными аллюзиями, но и поглощает в дальнейшем повествовании. Ядринцев-писатель скрывается сразу за двумя масками, разделяя свой жизненный опыт между двумя началами: первое – эмоциональное, остро переживающее заключение в острог, второе – объективное, эрудированное, позволяющее себе иронию, устремленное к анализу и описанию окружающей реальности. Обратим внимание: Ядринцев в письме к Потанину отмечает, что «Русскую общину в тюрьме и ссылке» он составлял из разрозненных статей:

Вы спрашиваете статьи, которые я писал, – их у меня нет, но скоро вы получите целую книгу: с февраля будет печататься собрание всего, что я писал о тюрьмах и ссылка с прибавлением иностранной ссылки, составленной даже по английским источникам. Нисколько месяцев я потрудился над переработкой статей и над новыми и продал это книгопродавцу за 300 руб., задаток месяца 2 назад получен [1. С. 6].

Можно предположить, что содержание этих статей, преобразованных в главы, и будет «доверено» второму голосу. Возможно, использование двуглового слова позволяет Ядринцеву примирить две противоречащие друг другу стороны его биографии: он остро переживал несправедливое заключение в острог (первый голос) и вместе с Потаниным был занят исследовательской деятельностью – разбирал областной архив, отыскивая «материал о ссыльных и бродягах для книги “Русская община в тюрьме и ссылке”» [20. С. 32], а затем продолжил осмысление пенитенциар-

ных систем, опираясь на зарубежный опыт (второй голос). Таким образом, можно говорить о попытке автобиографического романа – о попытке заключить собственный опыт в рамки художественного текста.

По той же логике можно отнести «Записки из Мертвого дома» к попытке (более успешной и более проработанной) автобиографического романа, жанровая природа этого произведения тоже не проста. Перед читателем тетради Горяничкова (один из голосов), попавшие к повествователю (еще один голос). В рукописи дворянина-каторжника предстанет еще множество голосов различных групп арестантов. Весь материал основывается на сибирском острожном опыте Ф.М. Достоевского.

Книги Ядринцева и Достоевского вписываются в сюжетное пространство русского романа, частично реконструированное Ю.М. Лотманом [25. С. 724–725]. Один из ключевых моментов, отмеченных исследователем, заключается в том, что текст Достоевского (добавим: и Ядринцева) представляет пространство сибирского острога «в реально-бытовом освещении», но разрывает связку «смерть – ад – воскресение». Ученый пишет: «...хотя в самом заглавии Сибирь приравнена к смерти, сюжет воскресения отсутствует» [25. С. 725]. Ядринцев вообще снимает проблему гибели души и ее воскресения, заменяя сложившуюся конструкцию грядущим расцветом Сибири [2. С. 416–417].

Обратимся к особенностям повествования. Беллетристические части в значительной мере тяготеют к традициям натуральной школы. Прежде всего, отметим очерковость, свойственную творческой манере Ядринцева и распространяющуюся далеко за пределы «Русской общины в тюрьме и ссылке» – областник обращался к жанру очерка часто («На чужой стороне» 1872 г., «Бойкий мужчина и сто тысяч несчастий» 1885 г. и др.).

Важные черты стиля Ядринцева можно увидеть в следующем фрагменте:

<...> достаточно было войти в наш старый острог в обыкновенный день, когда наш простодушный зритель покоился *сном невинности* после сытного обеда, когда надзиратели отлучались в соседние кабаčky, солдаты *храпели* на нарах в кордегардии, а молодой их прапорщик *поглощал роман* со всем *запоем* юности [3. С. 76].

В текст проникает ирония, которой не было места в «мертвой» первой главе, «принадлежащей» первому, субъективному голосу; ироническое снижение происходит благодаря включению в текст следующих элементов разговорной речи: выражения «сном невинности», сниженной лексики («храпели» в значении «спали») etc. Кроме того, в повествовательной стратегии Ядринцева четко выделяется установка на типизацию: его интересует рутинное, характерное, типичное. Обратимся к фрагменту другой главы-очерка, посвященной шпионам и палачам:

Такие уроки доносчикам вошли в *обыкновение* ссыльного арестанства, как самого дружного. На каторге доносчикам жить еще опаснее, и бродяги

над своими шпионами учреждают суд в лесу, и обыкновенно вешают их, как и убийц своего брата [3. С. 139].

И при создании образов писателя интересует не индивидуальность, а тип:

Настоящих бродяг, поселенцев и каторжных можно узнать и по осанке, и по приемам. Ловко забросив арестантский армяк на одно плечо, в неизмеримо широких, бродяжеских штанах, ухарски заломив набекрень шапки, гордо прохаживаются они по острожному двору; лицо у них открытое и энергичное, усы молодцевато закручены (все они бриты; это особенность поселенцев); они едва достаивают взглядом остальных арестантов, а к крестьянам положительно относятся презрительно; брань их ядовита и отличается мастерскими вариациями; голос их самоуверен, глаза горят презрением и насмешкой, губы самонадеянно сжаты. На всем лежит у них печать силы и уверенности. Они – первые авторитеты в острожных делах, первые игроки и первые ловеласы. Гордо и весело рисуются теперь эти рыцари перед окнами женской половины; они выводят звучными тенорами разные забирабельные песни [3. С. 78].

Создаваемый Ядринцевым портрет весьма подробный, автор старается не упустить ни одной детали; текст явно строится по тем же принципам, что и физиологический очерк. В этом тоже можно заметить если не принципиальную установку на следование приемам Достоевского, то, по крайней мере, стилистическую близость анализируемых книг. Автор «Записок из Мертвого дома» тоже представляет читателю типы – например, тип нищего:

В нашей комнате, так же как и во всех других казармах острога, всегда бывали нищие, байгуши, проигравшиеся и пропившиеся или так просто, от природы, нищие. Я говорю «от природы» и особенно напирал на это выражение. Действительно, везде в народе нашем, при какой бы то ни было обстановке, при каких бы то ни было условиях, всегда есть и будут существовать некоторые странные личности, смиренные и нередко очень неленивые, но которым уж так судьбой предназначено на веки вечные оставаться нищими. Они всегда бобыли, они всегда неряхи, они всегда смотрят какими-то забытыми и чем-то удрученными и вечно состоят у кого-нибудь на помывке, у кого-нибудь на посылках, обыкновенно у гуляка или у внезапно разбогатевших и возвысившихся. Всякий почин, всякая инициатива – для них горе и тягость. Они как будто и родились с тем условием, чтоб ничего не начинать самим и только прислуживать, жить не своей волей, плясать по чужой дудке; их назначение – исполнять одно чужое [4. С. 49].

Если раньше отмечалось использование прецедентных текстов для создания образов, то в дальнейшем повествовании областник расширяет набор своих приемов, обращаясь к другим формам искусства (не случайно арестанты у него расположились по двору именно «живописными группами» [3. С. 79]) для большей выразительности, точности описаний и характеристик:

Один из этих типов [русских гулящих и беззаботных людей. – Р.Г.] можно видеть на картине

Якоби «Привал арестантов» в лице парня, лежащего беззаботно с трубкой в зубах на сибирской дороге; он имеет вид скорее свободного колониста, чем ссыльного; его лицо лоснится жиром; ни малейшая забота о будущем не беспокоит его... [3. С. 78].

Портрета, даже такого наглядного, как картина, сибирскому писателю, очевидно, недостаточно. Ядринцев педантичен в создании образа: его герой должен и заговорить в своей особой манере, подмеченной писателем в «мертвом» доме. Установка на точность, детальность, достоверность заставляет областника, как и Достоевского, включать в свои работы слова и выражения из острожно-каторжного лексикона: «Ходят они все в казенной форме, ибо ничего своего не имеют, и, надеясь на матушку-казну, собственное платье они или “перегоняют на спирт”, или “пускают в фальку”» [3. С. 77], а также: «...он весь служит выражением арестантской поговорки “далше солнца не ушлют, а Сибирь-то мы видали”» [3. С. 78]. Герои «Записок из Мертвого дома» тоже пересыпают свою речь каторжными мудростями: «Вам на срок, а нам вдоль по каторге» [4. С. 11] или «Не слушался отца и матери, а теперь послушайся барабанной шкуры» [4. С. 13], «Черт трое лаптей сносил, прежде чем нас собрал в одну кучу!» [4. С. 13].

В тексте «Русской общины в тюрьме и ссылке» можно найти и «цигарки» [3. С. 79], и «фискалы» [3. С. 136], и «дело о доносе на майданщика, сделанном арестантом Мишкишкой» [3. С. 81], и более объемные наблюдения:

По соседству располагалась около какой-то квасной бочки группа игроков, окруженная любопытными и «прогоревшими» (проигравшимися дотла) арестантами. Брань, звон меди, споры азартных игроков и термины подкаретной и едны постоянно оглашали это собрание. Какие-то «жиганы» (острожные игроки), подобрав ключи к новичку, т.е. плутовски завлекши в игру, обчищали его на все корки [3. С. 83].

Еще свободнее и красочнее арестантская речь звучит во время игры в лото:

– Горбач семерка! – вызывал майданщик, вынимая седьмой номер. – Тройка удаля! – Туды-суды – 69! 25 – солдатская служба! 44 – бурятская арба! 22 – ангарские уточки! Бурятское чувырло – 4! Анфискино лакомство с расстрелом – 9! Мишкино яйцо, что на Пасхе носил, – 8! 5... верст, смотри, ребята: петухи поют; собаки лают, деревня близко [3. С. 84]!

Отметим, что в стремлении к точной передаче арестантской речи не прослеживаются научные, лингвистические устремления – преследуются исключительно художественные цели. Этнографические наблюдения и замечания Ядринцева – еще одна яркая черта его «научно-художественного» стиля, второго голоса.

Таким образом, Н.М. Ядринцев, изображая пространство острога, опирается на те же принципы, что и Ф.М. Достоевский: это и пристальное внимание к речи героев, к их портретам, и сочувственное отношение к каторжным, к «несчастным», и попытка осмыслить разнообразные судьбы арестантов как *типичные*, а их обладателей – как представителей како-

го-либо определенного типа. Однако областнику свойственно стремление к уточнению заимствованных образов или даже вступление в сотворческие отношения с прецедентным текстом.

Стоит отметить здесь и примечательную «точку отталкивания» от повествовательной стратегии Достоевского. Заостряя установку классика на точность и объективность и даже выводя названную интенцию за рамки художественности, Ядринцев представляет впечатления героя-повествователя ярко, эмоционально, А.П. Горянчиков же испытывает к окружающей его действительности сдержанное *любопытство*: «Все были в некотором волнении, и, признаюсь, я тоже ожидал появления знаменитого разбойника с крайним любопытством» [4. С. 46–47]. И далее: «Из любопытства я познакомился с ним ближе и целую неделю изучал его» [4. С. 47]. В обитателей своей казармы он вглядывается «с жадным любопытством» [4. С. 50]; вспомним, что оглядывать Алея повествователь тоже будет «с любопытством» [4. С. 52].

Вернемся к одному из основных вопросов: зачем Н.М. Ядринцев создает в некотором роде «кальку» «Записок из Мертвого дома», заостряет приемы, используемые Ф.М. Достоевским, или вступает в противоречие с современником?

Место Ядринцева – на периферии поля литературы. В существующем литературном пантеоне он к моменту издания книги «Русская община в тюрьме и ссылке» никакого места не занимает. Следовательно, обращение к творчеству Ф.М. Достоевского, переработка его образов позволяет легитимировать собственное место в поле литературы, включиться в литературную жизнь и транслировать областническую программу. В роли «союзника» фигура Достоевского, уже утвердившегося в поле литературы и успешного приобрести существенный символический капитал, оказывается очень выгодной для Ядринцева. Если объявить автора «Записок из Мертвого дома» «своим», то зарождающаяся областническая литература уже не кажется маргинальной, она приобретает «фундамент», приобретает традицию и может продолжить развитие.

Рассмотренный случай – лишь один из многих способов, к которым прибегал Н.М. Ядринцев, чтобы придать местной, только формирующейся областнической традиции легитимность. Автор «Записок из Мертвого дома» оказался близким областнику по гуманистическим позициям, по творческому методу, а также по элементам биографии, включение же фигуры Ф.М. Достоевского позволяло укрепить нарождающийся областнический канон.

Примечания

¹ Приведем оригинальный текст С. Франк: «Denn Sibirien erweist sich für Dostoevskij als Raum der Utopien – sei es der zukunftsorientierten militaristischen, zu denen das Häftlings-Sozium des *ostrog* eine Karikatur darstellt, sei es der nostalgisch konservativen –, und damit als Raum, in dem er seine Vergangenheit als Anhänger von Gesellschaftsutopien ein für alle mal zurücklassen will» [2. S. 416].

² Приведем оригинальный текст С. Франк: «Im Gegensatz zu Dostoevskij aber versteht Jadrincev diese „ostrog-Familie“ als echte intime Gemeinschaft, als „ostroznaja obščina“, deren Geborgenheit den Häftling nicht von der richtigen Gesellschaft außerhalb trennt, sondern diese vergessen lässt, da ihr Verlust vollkommen kompensiert wird...» [2. S. 409].

Список источников

1. Ядринцев Н.М. Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1: (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 года). Красноярск, 1918.
2. Frank S. Zwei Konzeptualisierungen der russisch-sibirischen Lagerintimität im 19. Jahrhundert: N. Jadrincev und F. Dostoevskij // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 62 (2005). S. 401–418.
3. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке / сост., авт. предисл. и примеч. С.А. Иникова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 752 с.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.]. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1972. Т. 4. Записки из мертвого дома / текст подгот. и примеч. сост. И.Д. Якубович и др. 326 с.; факс., 1 л. ил.
5. Бурдье П. Поле литературы // Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2014. С. 365–472.
6. Анисимов К.В. Риторика раннего сибирского областничества: Франция как автоописательный концепт // Сибирско-французский диалог XVII–XX веков и литературное освоение Сибири. Материалы междунар. научного семинара / под ред. Е.Е. Дмитриевой, О.Б. Лебедевой, А.Ф. Строева. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 106–117.
7. Блум Г. Западный канон. Книжки и школы всех времен / пер. с англ. Д. Харитонова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 672 с.
8. Ямпольский М. Литературный канон и теория «сильного» автора // Иностранная литература. 1998. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/12/iamp-pr.html>
9. Дубин Б. Идея «классики» и ее социальные функции // Б. Дубин. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре: сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 9–42.
10. Дубин Б. К проблеме литературного канона в нынешней России // Б. Дубин. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 66–76.
11. Günther Hans. Прощание с советским каноном // Revue des études slaves. 2001. Т. 73, fascicule 4: La littérature soviétique aujourd'hui. P. 713–718.
12. Каспэ И. Классика как коллективный опыт: литература и телесериалы // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 452–489.
13. Гронас М. Диссенсус. Война за канон в американской академии 80–90-х годов // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 6–18.
14. Гронас М. Безымянное узнаваемое, или канон под микроскопом // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 68–86.
15. Лану А. Формирование литературного канона русского романтизма // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 35–67.
16. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск: Сова, 2008. 270 с.
17. Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Томск, 2004. 308 с.
18. Серебренников Н.В. Дело сибирских сепаратистов с точки зрения власти предрежащих // Дело об отделении Сибири от России / публ. А.Т. Топчия, Р.А. Топчия; сост. Н.В. Серебренников. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 4–8.
19. Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. 368 с.
20. Ядринцев Н.М. К моей автобиографии // Дело об отделении Сибири от России / публ. А.Т. Топчия, Р.А. Топчия; сост. Н.В. Серебренников. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 27–33.

21. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
22. Иникова С.А. Предисловие // Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке / сост., авт. предисл. и примеч. С.А. Иникова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2015. С. 5–44.
23. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. / редкол.: М.Б. Храпченко (гл. ред.) и др. Т. 2: Стихотворения 1855–1866 гг. Л.: Наука, 1981. 447 с.
24. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. 799 с.
25. Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., 1997. С. 712–729.

References

1. Yadrintsev, N.M. (1918) *Pis'ma Nikolaya Mikhaylovicha Yadrintseva k G.N. Potaninu* [Letters from Nikolai Mikhailovich Yadrintsev to Grigory Nikolayevich Potanin]. Vol. 1. Krasnoyarsk: Sibirskie zapiski.
2. Frank, S. (2005) Zwei Konzeptualisierungen der russisch-sibirischen Lagerintimität im 19. Jahrhundert: N. Jadrincev und F. Dostoevskij. In: *Wiener Slawistischer Almanach*. Vol. 62. Leipzig: Biblion Media GmbH. pp. 401–418.
3. Yadrintsev, N.M. (2015) *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke* [Russian Community in Prison and Exile]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
4. Dostoevskiy, F.M. (1972) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 4. Moscow: IRL USSR AS; Leningrad: Nauka.
5. Bourdieu, P. (2014) *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and practices]. Translated from French. Saint Petersburg: Aleteya. pp. 365–472.
6. Anisimov, K.V. (2016) Ritorika rannego sibirskogo oblastnichestva: Frantsiya kak avtoopisatel'nyy kontsept [The rhetoric of the early Siberian regionalism: France as an autodescriptive concept]. In: Dmitrieva, E.E., Lebedeva, O.B. & Stroev, A.F. (eds) *Sibirsko-frantsuzskiy dialog XVII–XX vekov i literaturnoe osvoenie Sibiri* [Siberian-French dialogue of the 17th–20th centuries and the literary development of Siberia]. Moscow: IWL RAS. pp. 106–117.
7. Bloom, H. (2017) *Zapadnyy kanon. Knigi i shkola vseh vremen* [Western Canon. Books and school of all times]. Translated from English by D. Kharitonov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Yampol'skiy, M. (1998) Literaturnyy kanon i teoriya "sil'nogo" avtora [Literary canon and the theory of the "strong" author]. *Inostrannaya literatura*. 12. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/12/iamp-pr.html>.
9. Dubin, B. (2010) *Klassika, posle i ryadom: Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture* [Classics, After and Next to: Sociological essays on literature and culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 9–42.
10. Dubin, B. (2010) *Klassika, posle i ryadom: Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture* [Classics, After and Next to: Sociological essays on literature and culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 66–76.
11. Günther, H. (2001) Proshchaniye s sovetskim kanonom [Farewell to the Soviet Canon]. *Revue des études slaves*. 4 (73). pp. 713–718.
12. Kaspe, I. (2009) Klassika kak kollektivnyy opyt: literatura i teleserialy [Classics as a collective experience: literature and television series]. In: Savel'yeva, I.M. & Poletayev, A.V. (eds) *Klassika i klassiki v sotsial'nom i gumanitarnom znaniy* [Classics and Classicists in Social and Humanitarian Knowledge]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 452–489.
13. Gronas, M. (2001) Dissensus. Voyna za kanon v amerikanskoj akademii 80–90-kh godov [The War for the Canon in the American Academy in the 1980s–1990s]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 51. pp. 6–18.
14. Gronas, M. (2001) Bezymyannoe uznavaemoe, ili kanon pod mikroskopom [Nameless recognizable, or the canon under the microscope]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 51. pp. 68–86.
15. Lanu, A. (2001) Formirovanie literaturnogo kanona russkogo romantizma [Formation of the literary canon of Russian romanticism]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 51. pp. 35–67.
16. Shilovskiy, M.V. (2008) *Sibirskoe oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX v.* [Siberian Regionalism in the Socio-Political Life of the Region in the Second Half of the 19th – the First Quarter of the 20th Centuries]. Novosibirsk: Sova.
17. Serebrennikov, N.V. (2004) *Opyt formirovaniya oblastnicheskoy literatury* [Experience in the Formation of Regional Literature]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Serebrennikov, N.V. (2002) Delo sibirskikh separatistov s tochki zreniya vlast' prederzhashchikh [The case of the Siberian separatists from the point of view of those in power]. In: Serebrennikov, N.V. (ed.) *Delo ob otdelenii Sibiri ot Rossii* [The Case of the Separation of Siberia from Russia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 4–8.
19. Dameshek, L.M. & Remnev, A.V. (eds) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia as Part of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
20. Yadrintsev, N.M. (2002) K moyey avtobiografii [To my autobiography]. In: Serebrennikov, N.V. (ed.) *Delo ob otdelenii Sibiri ot Rossii* [The Case of the Separation of Siberia from Russia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 27–33.
21. Tyupa, V.I. (2002) Siberia mythology: to the question of the "Siberian text" of Russian literature. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 27–35. (In Russian).
22. Inikova, S.A. (2015) Predislavie. In: Yadrintsev, N.M. *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke* [Russian Community in Prison and Exile]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii. pp. 5–44.
23. Nekrasov, N.A. (1981) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 2. Leningrad: Nauka.
24. Bakhtin, M.M. (2002) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: Russkie slovari: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
25. Lotman, Yu.M. (1997) *O russkoy literature* [On Russian Literature]. Saint Petersburg: Iskustvo-SPb. pp. 712–729.

Информация об авторе:

Григоренко Р.А. – аспирант кафедры журналистики и литературоведения Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: roman13-grigorenko@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R.A. Grigorenko, postgraduate student, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: roman13-grigorenko@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.02.2022;
одобрена после рецензирования 02.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 07.02.2022;
approved after reviewing 02.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.